

Антон Павлович Чехов

Сон репортёра

Чехов Антон Павлович
Сон репортёра

А. П. ЧЕХОВ

СОН РЕПОРТЕРА

"Настоятельно прошу быть сегодня на костюмированном балу французской колонии. Кроме вас, идти некому. Дадите заметку, возможно подробнее. Если же почему-либо не можете быть на балу, то немедленно уведомьте - попрошу кого-нибудь другого. При сем прилагаю билет. Ваш... (следует подпись редактора).

P.S. Будет лотерея-аллегри. Будет разыгранна ваза, подаренная президентом французской республики. Желаю вам выиграть".

Прочитав это письмо Петр Семеныч, репортер, лег на диван, закурил папиросу и самодовольно погладил себя по груди и по животу. (Он только что пообедал.)

- Желаю вам выиграть, - передразнил он редактора. - А на какие деньги я куплю билет? Небось, денег на расходы не даст, ска-атина. Скуп, как Плюшкин. Взял бы он пример с заграничных редакций... Там умеют ценить людей. Ты, положим, Стэнли, едешь отыскивать Ливингстона. Ладно. Бери столько-то тысяч фунтов стерлингов! Ты, Джон Буль, едешь

отыскивать "Жаннетту". Ладно. Бери десять тысяч! Ты идешь описывать бал французской колонии. Ладно. Бери... тысяч пятьдесят... Вот как за границей! А он мне прислал один билет, потом заплатит по пятаку за строчку и воображает... Ска-а-тина!...

Петр Семеныч закрыл глаза и задумался. Множество мыслей, маленьких и больших, закопошилось в его голове. Но скоро все эти мысли покрылись каким-то приятным розовым туманом. Из всей щелей, дыр, окон медленно поползло во все стороны желе, полупрозрачное, мягкое... Потолок стал опускаться... Забегали человечки, маленькие лошадки с утиными головками, замахало чье-то большое мягкое крыло, потекла река... Прошел мимо маленький наборщик с очень большими буквами и улыбнулся... Все утонуло в его улыбке и... Петру Семенычу начало сниться.

Он надел фрак, белые перчатки и вышел на улицу. У подъезда давно уже ожидает его карета с редакционным вензелем. С козел скакивает лакей в ливрее и помогает ему сесть в карету, подсаживает его, точно барышню-аристократку.

Через какую-нибудь минуту карета останавливается у подъезда Благородного собрания. Он, нахмутив лоб, сдает свое платье и с важностью идет вверх по богато убранной, освещенной лестнице. Тропические растения, цветы из Ниццы, костюмы, стоящие тысячи.

- Корреспондент... - пробегает шепот в многотысячной толпе. - Это он...

К нему подбегает маленький старичок с озабоченным лицом, в орденах.

- Извините, пожалуйста! - говорит он Петру Семенычу. - Ах, извините, пожалуйста!

И вся зала вторит за ним:

- Ах, извините, пожалуйста!

- Ах, полноте! Вы меня конфузите, право... - говорит репортер.

И он вдруг, к великому своему удивлению, начинает трещать по-французски. Ранее знал одно только "mersi", а теперь - на поди!

Петр Семеныч берет цветок и бросает сто рублей, и как раз в это время подают от редактора телеграмму: "Выиграйте дар президента Французской республики и опишите ваши впечатления. Ответ на тысячу слов уплачен. Не жалейте денег". Он идет к алле-

гри и начинает брать билеты. Берет один... два... десять... Берет сто, наконец тысячу и получает вазу из севрского фарфора. Обняв обеими руками вазу, спешит дальше.

Навстречу ему идет дамочка с роскошными льняными волосами и голубыми глазами. Костюм у нее замечательный, выше всякой критики. За ней толпа.

- Кто это? - спрашивает репортер.

- А это одна знатная француженка. Выписана из Ниццы вместе с цветами.

Петр Семеныч подходит к ней и рекомендует. Через минуту он берет ее под руку и ходит, ходит... Ему многое нужно разузнать от француженки, очень многое... Она так прелестна!

"Она моя! - думает он. - А где я у себя в комнате поставлю вазу?" соображает он, любясь француженкой. Комната его мала, а ваза все растет, растет и так разрослась, что не помещается даже в комнате. Он готов заплакать.

- А-а-а... так вы вазу любите больше, чем меня? - говорит вдруг ни с того, ни с сего француженка и - трах кулаком по вазе!

Драгоценный сосуд громко трещит и раз-

летается вдребезги. Француженка хохочет и бежит куда-то в туман, в облако. Все газетчики стоят и хохочут... Петр Семеныч, рассерженный, с пеной у рта, бежит за ними и вдруг, очутившись в Большом театре, падает вниз головой с шестого яруса.

Петр Семеныч открывает глаза и видит себя на полу около своего дивана. У него от ушиба болит спина и локоть.

"Слава богу, нет француженки, - думает он, протирая глаза. - Ваза, значит, цела. Хорошо, что я не женат, а то, пожалуй, дети стали бы шалить и разбили вазу".

Протерев же глаза как следует, он не видит и вазы.

"Все это сон, - думает он. - Однако уже первый час ночи... Бал давно уже начался, пора ехать... Полежу еще немного и - марш!"

Полежав еще немного, он потянулся и... заснул - и так и не попал на бал французской колонии.

- Ну, что? - спросил у него на другой день редактор. - Были на балу? Понравилось?

- Так себе... Ничего особенного... - сказал он, делая скучающее лицо. - Вяло. Скучно. Я напи-

сал заметку в двести строк. Немножко браню наше общество за то, что оно не умеет веселиться. - И, сказавши это, он отвернулся к окну и подумал про редактора: "Ска-атина!!"